

Религия и церковь в мировоззрении и жизни Льва Толстого

Жизнь и деятельность каждой неординарной личности всегда интересна другим людям, как современникам, так и потомкам. И доминирует здесь не просто любопытство, а желание понять, как, в силу каких причин человек смог “подняться” над другими, сделать то, что иным не под силу, прославить своими деяниями себя, время, родину. Интерес этот многогранен. Он касается как личной жизни индивида, так и его мировоззренческих принципов, особенностей профессиональной деятельности, способов самоутверждения в мире и др. Философский срез данного интереса связан, прежде всего, с мировоззренческими установками личности, ее общей философской позицией, особенностями видения смысла жизни, предназначения человека. Далекое место в этом плане занимает вопрос об отношении индивида к религии. Особенно, если талантливая личность демонстрирует свою позицию ярко, во весь голос.

Великий русский писатель XIX – начала XX ст. Л. Толстой и был такой личностью. Оставив потомкам множество художественных произведений, как небольших по объему, так и крупных романов, он вошел в историю также как самобытный мыслитель, уму и сердцу которого были безразличны и глубокие философские проблемы, и жизненные перипетии современников. Хотя специалисты уже не одно десятилетие спорят над вопросами философского контекста творчества Льва Николаевича, несомненным остается одно – это Личность с большой буквы, не просто писатель, а оригинальный мыслитель. Спектр проблем и вопросов интересовавших его, крайне широк: от специфики возделывания конкретных сельскохозяйственных культур – до особенностей социального и политического устройства общества, от организации образования и воспитания молодежи – до вопросов о смысле жизни и смерти. Собственную, ни на что не похожую позицию, имел Л. Толстой относительно религии и церкви.

Сказать, что отношение Льва Николаевича к религиозной проблематике было непростым и крайне противоречивым – значит сказать мало. В течении

всей жизни она очень занимала его как в мировоззренческом плане, так и непосредственно бытовом. Живя в обществе, где религия и церковь играли важную роль в жизнедеятельности индивидов, всех социальных институтов, социума в целом, ежедневно соприкасаясь с религиозными убеждениями представителей разных слоев населения российской империи, видя реальное влияние церкви на решение многих вопросов, имеющих политическую, образовательную, воспитательную, военную, нравственную направленность, писатель чрезвычайно серьезно и озабочено воспринимает религиозную теорию и практику функционирования церкви. О Боге, религии, религиозной вере и церкви он много пишет в своих художественных произведениях и работах общественно – политического и философского характера. Выделю из них лишь основные, наиболее значимые: «Исповедь», «О жизни», «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Царство божие внутри нас», «Религия и нравственность», «В чем моя вера?», «Что такое религия и в чем ее сущность», «Исследование догматического богословия», «Единая заповедь», «Путь жизни» и др. В разные периоды жизни религиозная тематика интересует Л. Толстого то больше, то меньше. Но интерес к ней не угасает никогда. Он пишет, что христианские истины были ему близки всегда [5, 144]. В силу разных причин, имеющих как объективную, так и субъективную природу, в центре его внимания всегда находятся конкретные вопросы богословия и практики функционирования церкви. При этом отчетливо прослеживается узловая линия данного интереса – после духовного кризиса 70-х – 80-х годов внимание писателя к религии резко возрастает, а его мировоззрение приобретает выраженный евангелистский характер. Специально хочу подчеркнуть, что религия интересует Льва Николаевича не в плоскости ее догматики и литургии, а как учение, имеющее, среди прочих, собственную моральную канву. Иными словами, его внимание религия занимает прежде всего потому, что задает человеку, присущими ей средствами, нравственные параметры бытия в мире. Для Л. Толстого основная ценность религии – в ее моральном учении.

Принципиально важным в разговоре о месте и роли религии и церкви в мировоззрении и жизни Льва Николаевича есть акцентирование внимания на разное отношение писателя к религии как форме духовного-практического освоения человеком мира, и церкви как социальному институту, деятельность которого связана с влиянием на сознание людей и процессы, происходящие в их индивидуальной и общественной жизни. Если религия в целом мыслителем поддерживается и рассматривается как важный инструмент духовного становления человека, его воспитания, то функционирование церкви последовательно критикуется. Прежде всего за то, что она оправдывает войны, насилие, эксплуатацию человека человеком, поддерживает государство в репрессиях против инакомыслящих. Налицо парадокс – верующий Л.Толстой оказывается активным критиком церкви, ее структур, ему неприемлемы церковные таинства и обряды. Он восстает против церковной мишуры, чиновников от религии, священнослужителей. Результат такой позиции известен – церковь отлучает писателя от себя. Он становится изгоем в церковном мире.

Мыслитель обращает внимание на то, что религиозное учение и реальная практическая жизнь людей существуют в двух разных, не пересекающихся плоскостях. Основания человеческого бытия и процессы, составляющие его содержание, не имеют совершенно никакого отношения к религиозным постулатам и учениям. Последние отличаются выраженной надуманностью и являются внешними по отношению к жизни, искусственно привносятся в нее. Сфера вероучения – это оторванный от практики мир умозрительных конструкций. И здесь нельзя не согласиться с писателем. Однако, важно помнить, что религия все же играет существенную роль в жизни большого числа людей. Возникает закономерный вопрос: почему? Прежде всего потому, что она через деятельность церкви всячески пытается быть нужной человеку, предлагает ему, нередко в грубой, насильственной форме, игнорируя его желания и стремления, нормы, правила поведения, привносит положения

своего учения в повседневную жизнь людей, целенаправленно влияет на их мировоззренческие установки.

При рассмотрении религии как формы общественного сознания становится очевидным, что это образование имеет довольно сложную структуру, в которой, среди остальных компонентов, четко пролеживается наличие двух, во многом разных по содержанию и своим функциям, но одновременно внутренне взаимосвязанных сфер – *собственно религиозной и неспецифически религиозной*. Первая – это идеи и учения, касающиеся трансцендентного (потустороннего). Это мир образов, феноменов, концептов, созданный силой человеческого воображения. Он имеет виртуальный характер. Никто из живущих в этом мире никогда не был. Знания о нем – это знания о том, чего никто не видел. Они возникли в глубокой древности как плод фантазии людей, имеющий вполне конкретную, реальную основу – желание обрести счастливую, обеспеченную, достойную человека жизнь. Поскольку осуществить это желание для подавляющего большинства людей в их реальном, земном бытии не представлялось возможным, они придумали жизнь после жизни – в потустороннем мире, где каждый получает по-справедливости то, что заслужил согласно собственным деяниям в своем земном бытии. Действующими лицами, обитателями трансцендентного мира являются Бог, дьявол, ангелы, черты, души умерших людей. Они не доступны живым людям ни в плане реальных, чувственных контактов, ни в плане рационального познания. Тайны этого мира, как утверждает церковь, может приоткрыть лишь божественное откровение, да и то не всем, а лишь искренне верующим людям. В религии вообще много тайн, сама главная – Бог. Функционирование церкви как материального образования, социального института, посредством которого религия влияет на сознание и деятельность людей, напрямую связано с явлениями и процедурами, получившими название «таинства» – крещение, причастие, священство, исповедь, миропомазание, венчание, соборование. Религии было бы крайне трудно привлечь на свою сторону людей, оперируя терминами и образами потустороннего мира, существование которого

совершенно не объясняется никакими рациональными знаниями, а аргументируется лишь религиозной верой. Поэтому она ищет всевозможные способы выхода своих идей в реальную жизнь, чувственно-предметное бытие индивидов и общества.

Неспецифически религиозная сфера религии и есть той областью, где хитромудрые, во многом надуманные религиозные конструкции получают «земную» жизнь. Здесь религия своим вероучением и практикой деятельности церкви по-особому опредмечивает их, воплощает в нормы и правила поведения людей, трансформирует на уровень сознания и мировоззрения индивидов. Для религии и церкви это направление их активности чрезвычайно важно. Именно здесь происходит формирование особого объединения людей, получившего название «паства». Вместе со священнослужителями паства образует более численное объединение – конфессию. Религия «живет» в той мере, в какой она присутствует в сознании и практике жизнедеятельности людей, реально влияет на процессы, происходящие в индивидуальной и общественной жизни. Потому-то во все времена она постоянно пытается привлечь на свою сторону как можно большее количество людей, декларирует устами священнослужителей и простых верующих свою озабоченность по поводу мирских проблем, всячески участвует в их решении. Религия и церковь – важные составляющие человеческого бытия. Эти образования крайне сложны и противоречивы в содержательном и функциональном плане и требуют серьезного, непредвзятого подхода при их анализе и оценке.

Позиция Л. Толстого относительно религии и церкви, с одной стороны, ясна и отчетлива, а с другой – во многом запутана. К тому же она существенно эволюционировала в течении его жизни. В одни периоды писатель с повышенным вниманием относился к религиозной проблематике, в другие это внимание падало. По поводу одних и тех же религиозных феноменов – веры, Бога, души, смерти, жизни после смерти др. – у него можно встретить суждения противоположного содержания. Как утверждает сам Лев Николаевич, он «...был крещен и воспитан в православной христианской вере» [5, 106]. Однако

в детстве, юности и первой половине зрелой жизни она не оказывала сильного и глубокого влияния на его личностные убеждения. Оставляя в восемнадцатилетнем возрасте (в 1847г.) стены Казанского университета, присутствия этой веры в себе он не обнаруживал. Уже в зрелом возрасте, будучи известным писателем, Л. Толстой заявит что «...никогда и не верил серьезно...» [5, 106], а лишь испытывал доверие к религии, к тому же оно было очень шатким. Оценивая собственную эволюцию взглядов относительно религии, Лев Николаевич выделяет элемент сознательности в своем отходе от нее и связывает его во многом со знаниями, почерпнутыми из прочитанных книг, размышлениями над религиозными текстами и практикой, функционирования церкви. По его же воспоминаниям, он перестал сознательно посещать церковь уже в шестнадцать лет. При этом смутные, необъяснимые чувства уважения к религии у него остались.

Нередко он не совсем лицепрятно говорит о тех, кто верит в Бога. Подчеркивает, что среди них много людей «...тупых, жестоких и безнравственных...» [5, 107]. Ум же, честность, нравственность и другие добродетели встречаются чаще всего среди неверующих. Мыслитель резко негативно относится ко всем тем, кто использует религиозную веру в своих корыстных целях. Эти люди только выдают себя за убежденных поклонников религии, а на самом деле являются неверующими. Реальная практика их бытия в мире весьма далека от принципов, которые они публично исповедывают. К таковым он относит преимущественно людей своего круга – богатых, зажиточных, имеющих положение в обществе. На уровне сознания они декларируют свою приверженность религиозным нормам, но в реальной жизни им не следуют. Их веру мыслитель называет неистинной, неправильной, верой, которая верой не является. Одновременно говорит о существовании веры истинной, правильной, настоящей. Она массово присутствует у простых людей, которым Лев Николаевич так симпатизировал. По его мнению, у них нет разрыва между верой и жизнью, исповедуемыми принципами и практикой

поведения. «Вера только тогда вера, когда у тебя и мысли нет о том, чтобы то, во что ты веришь, могло бы быть неправда» [6, 33].

Дорога Л. Толстого к религии и вере – это путь человека, ищущего ответы на тревожащие его вопросы и не находящего их в знаниях, имеющих светский характер. Он приходит к Богу и принимает на уровне личностных убеждений веру в его существование потому, что внутренне исчерпывает возможности рационально объяснить свое назначение в мире, ценность человеческой жизни вообще и своей собственной в частности. Если обратиться к цифрам, то из 82-х лет жизни писателя первые 50 лишены сознательной религиозности. И лишь последнее тридцатилетие характеризуется активным религиозным поиском. Трансформация собственных мировоззренческих установок у Льва Николаевича была очень нелегкой. И все же она произошла. Вот как об этом пишет он сам: «...Кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно приведен к признанию того, что у всего живущего человечества есть еще какое-то другое знание, неразумное – вера, дающая возможность жить. Вся неразумность веры оставалась для меня та же, как и прежде, но я не мог не признать того, что она одна дает человечеству ответы на вопросы жизни и, вследствие того, возможность жить» [5, 140-141].

Обретение сознанием Л. Толстого Бога как высшей ценности происходило приблизительно так же, как это бывает у других людей. Он пишет, что был томим «мучительным чувством» и называет его «исканием бога» [5, 149]. Специально подчеркивает, что в его сознании доминировало именно это чувство, а не теоретические рассуждения, не ход мыслей. Оно «вытекало» из сердца и было даже противоположно логике мыслей. «Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь» [5, 149]. Следуя И. Канту и А. Шопенгауэру, писатель был убежден в невозможности доказать бытие Бога, но в силу вышеназванных причин искал его. Поиски эти во многом подхлестывались родившимся в 1770 году в его сознании, в значительном мере от разочарования жизнью, желанием покончить

с собой. Есть все основания считать, что сформировавшаяся у Льва Николаевича, после долгих и трудных внутренних коллизий, вера в Бога спасла его от самоубийства. Она принесла писателю уверенность в собственные силы, определила направленность мыслей и действий.

В основе повышенного внимания Л. Толстого к религии и деятельности церкви лежит, на мой взгляд, несколько причин. *Первая* – обычная любознательность. Это качество присуще каждому человеку. Оно имеет сложную биосоциальную природу. У Льва Николаевича оно было очень развито с раннего детства. *Причина вторая* – субъективная надежда писателя, нередко смутно и нечетко выраженная, на то, что религия поможет ему найти ответ на один из кардинальных вопросов всей его жизни: каков смысл последней? Его увлечение религией, к тому же специфически понимаемой, в последние три десятилетия собственного жизненного пути, связано, прежде всего, с мучительными поисками ответа на означенный вопрос. *Причина третья* – убеждение, сформировавшееся у писателя после душевного и мировоззренческого кризиса 70-х – 80-х годов, что не знания, а вера в Бога «...одна дает человечеству ответы на вопросы жизни и, вследствие того, возможность жить» [5, 141]. По мнению мыслителя, это возможно потому, что религиозная вера обязательно вводит «...в каждый ответ отношение конечного к бесконечному...» [5, 140]. Поэтому «вера есть сила жизни», «без веры нельзя жить» [5, 141]. Л. Толстой пишет: «Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума...» [5, 143]. Так и хочется провести смысловую параллель с И. Кантом, который, как и Л. Толстой, ограничивал роль знания в освоении человеком мира, чтобы дать место вере. Правда, немецкий философ, в отличие от русского мыслителя, делает это путем строгих логических рассуждений, а не основе субъективных предпочтений, как это имеет место у последнего. *Причина четвертая* – понимание Львом Николаевичем реального влияния церкви на жизнь современного ему российского общества. Влияние это он оценивал резко отрицательно и

доступными ему средствами пытался против него бороться. Функционирование церкви как инструмента распространения религии среди людей, деятельность различных религиозных структур, жизнь и активность священнослужителей, открытая поддержка и защита церковью безнравственной политики государства по отношению к своим гражданам – все это вызывало у писателя мощный протест, неприятие и публичную критику. Если религия привлекала этого человека, и то не постоянно и не вся, а лишь отдельные моменты христианского учения, то церковь своей деятельностью порождала у него отвращение.

Интересуясь религией, Лев Николаевич был, как это ни странно, во многом далек от понимания и принятия на уровне собственного мировоззрения базовых положений христианской теологии. Об этом он писал в разных работах. «Библия...мне непонятна...» [4, 52], – отмечает в «Записках сумасшедшего». В «Исповеди» говорит, что не может принять христианское учение о трех ипостасях Бога, о творении им мира за шесть дней, рассуждения о дьяволах и ангелах [5, 138]. В религии его привлекала совсем не догматика, а нравственная сторона вероучения. Именно в ней писатель видел сильную сторону этой формы духовной культуры человечества. Неуклонное возрастание его симпатий к христианской религии в последние три десятилетия жизни во многом связано непосредственно с богатым, довольно сильным и одновременно привлекательным нравственным потенциалом христианства. Для него эта религия – прежде всего свод моральных правил, ориентирующих людей на созидание добра и любви, своеобразный хранитель нравственных устоев человеческого бытия, нравственная почва, обеспечивающая существование человеческого в человеке. Лев Николаевич рассуждал так: религия задает, устанавливает вполне определенное отношение человека к миру и определяет смысл его жизни (суть отношения он не разъясняет), а нравственность внутренне вытекает из этого отношения. Иными словами, для каждого человека, по Л.Толстому, изначально крайне важно определиться с религией, которую он принимает, а она задаст ему вектор нравственного развития. Естественно, желательно, чтобы такой религией было именно

христианство в его православном варианте. Вряд ли такую логику рассуждений можно признать убедительной. Писатель считает, что каждый индивид верой и правдой должен служить не другим людям, а Богу. Только так он может постоянно оставаться человеком нравственным и не нарушать христианских норм морали. Человека, имеющего цель сделать счастливыми других людей, он называет добродетелем, а того, у которого целью есть Бог, – великим.

У Л.Толстого «... миссия религии состоит в искании смысла жизни, а дело нравственности – в практическом приложении результатов к жизни. Отсюда следует, что этика – прикладная религия. Таким образом, нравственность связана с религией и связь между ними такая, что нравственность без религии невозможна, а религия без нравственности немыслима: одно дополняет другое» [1, 84]. Получается, что действительно моральным является лишь тот, кто служит Богу. Делая это, он проникается любовью к этой высшей силе и, как следствие, к другим людям тоже. Лев Николаевич по этому поводу пишет: «Человеку нужно любить, а любить настоящему можно лишь то, в чем нет ничего дурного. И потому должно быть и то, в чем нет ничего дурного. А такое существо, в котором нет ничего дурного, и есть только одно: Бог», «...Бог есть любовь, или любовь это Бог» [6, 71]. Любовь писатель рассматривает как высшее проявление человеческой жизни, как силу, с помощью которой индивид способен преодолеть имеющиеся у него проблемы и зло, существующее в мире. Ее источником выступает Бог. Иными словами, это чувство, эта форма проявления отношения индивида к миру и другим людям имеет не человеческую, а трансцендентную природу. Исходит она не от человека, а силы, создавшей его. Следовательно, каждый индивид – не источник, а лишь проводник любви, не ее субъект и носитель, а средство, с помощью которого Бог распространяет свою любовь в мире. При таком подходе ценность и значимость человека резко падает, ибо он не творец, не созидатель, а лишь исполнитель божественной воли. Феномен любви в самых разных его проявлениях – к родителям и детям, друзьям, человеку другого пола, людям, живущим рядом, представителям других наций и

вероисповеданий, Родине, Богу – присутствует практически во всех художественных произведениях писателя и его теоретических исследованиях.

Л.Толстой, отдавая предпочтение религиозной вере, а не знаниям, относится к последним, тем не менее, с уважением. Как образованный и интеллигентный человек, активно интересовавшийся разными формами освоения человеком мира, он не был фанатиком веры и понимал, что без рационального знания нормальное функционирование общества невозможно. Его мысли по этому поводу лишены двусмысленности: «Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет» [6, 27], «для того, чтобы человеку познать истинную веру, ему нужно прежде всего на время отказаться от той веры, в которую он слепо верил и проверить разумом все то, чему его с детства научили» [6, 37], «...мы сами должны своим разумом проверить то, чему ... учат нас: принять то, что согласно с разумом, и откинуть то, что не согласно с ним» [6, 42]. При этом Льва Николаевича как человека, глубоко симпатизировавшего патриархальному укладу жизни, отдававшего предпочтение традиционным способам сельскохозяйственной деятельности, раздражали предлагаемые наукой новации в индустриальном и сельскохозяйственном производстве. Он очень ценил сформовавшуюся стабильность сельской жизни, ее уклад. Одновременно хорошо видел все трудности этой жизни и резко критиковал непомерную эксплуатацию крестьян.

Отдать предпочтение вере перед разумом для Л.Толстого было нелегко – «я готов был принять теперь ... веру, только бы она не требовала от меня прямого отрицания разума...» [5, 143]. Не будем забывать, что писатель был натурой ищущей, постоянно взвешивающей на весах своей совести аргументы «за» и «против», и поэтому не мог не видеть многих очевидных противоречий между постулатами религиозной веры и доказательными выводами разума. Это несогласие тревожило его душу постоянно, до последних дней жизни. Потому-то вера Льва Николаевича в Бога и признание им конкретных

положений христианства удивительно сочетается с его обращенностью к разуму, рациональным знаниям. И в первом, и во втором он не шел до конца, останавливаясь на полпути – там, где ему было выгодно, где выводы и аргументы, независимо от того, принадлежали они религии или разуму, его наиболее удовлетворяли. В тех ситуациях, где это ему нужно и удобно, он твердит о величии разума, его продуктивной способности подвергать все сомнению и доказательно аргументировать свои выводы, о возможности разума проверять на истинность постулаты веры. И описывает его с помощью терминов «истинный», «нравственный», «критический». В других ситуациях всячески славит веру, прежде всего православную, низвергает разум до роли второстепенного помощника человека, называя его «фальшивым», «ложным». Это имеет место прежде всего там, где выводы разума противоречат вере. Иными словами, речь идет о некой половинчатости, незавершенности, непоследовательности мыслей, убеждений, позиций, действий этого человека.

Став человеком верующим, писатель заявит: «...Я жил только тогда, когда верил в бога» [5, 151]. И это при том, что очень многое в религии и функционировании церкви для него продолжало оставаться непонятным и чужим – «...таинства, церковные службы, посты, поклонение мощам и иконам» [5, 153]. Даже на закате жизни в последней своей большой работе, увидевшей свет в 1910 году – «Исповеди», Л.Толстой выступает против религиозной и церковной мишуры: «Для истинной веры не нужно ни храмов, ни украшений, ни пения, ни многолюдных собраний. Напротив, истинная вера входит в сердце всегда только в тишине и уединении», «царство Божие придет к нам только тогда, когда церковная вера с чудесами, таинствами и обрядами заменится верой разумной, без чудес, таинств и обрядов» [6, 38]. Не понимая и не принимая многого в религиозной догматике и жизнедеятельности церкви, Лев Николаевич последнее тридцатилетие своей жизни, тем не менее, напрямую связывает с верой в Бога. Если раньше религиозная вера казалась ему чем-то внешним по отношению к человеческому бытию, то теперь рассматривается как важнейшая составляющая этого бытия, неременное условие справедливой,

честной, праведной жизни его самого и всех остальных людей. В этой вере писатель видит источник единения людей, условие достижения высшей истины.

Специально хочу обратить внимание на то, что термин «вера» у Л.Толстого, имея выраженный религиозный контекст, не всегда используется в чисто религиозном значении. «Вера – это в то же время страстная убежденность в идеалах добра и справедливости, которые лежат в основе всякой толстовской мысли» [3, 8]. Поскольку, по Л.Толстому, подлинная, истинная жизнь людей невозможна без созидания добра, то «для того, чтобы человеку жить хорошо, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того, чтобы узнать это, нужна вера. Вера – это знание того, что такое человек и для чего он живет на свете» [6, 32]. Такое определение веры лишено научной и философской строгости. Это даже не определение, не дефиниция термина, а его не совсем удачное описание. Смысл веры писатель пытается раскрыть с помощью понятия «знание». Это путь, ведущий в никуда. Довольно часто он определяет веру с помощью понятия «доверие». Толстовских формулировок веры много, но все они грешат неопределенностью, смысловой размытостью. Чего нельзя сказать о трактовке им функциональной стороны веры. Она – важнейшее условие праведной жизни человека. Только вера, считал писатель, придает жизни смысл и наполняет ее истинным содержанием. Она является единственной причиной добрых дел, совершаемых людьми. Они неизбежны у всех, кто верует. Вера у Льва Николаевича – это состояние сознания индивида, принявшего факт существования Бога и старающегося своими действиями воплощать на практике его нравственные заповеди. «Вера есть установление отношения человека к Богу, к миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения» [6, 272].

Л.Толстой считает, что к вере в Бога человек должен прийти сам, без какого-либо внешнего принуждения. Потому-то критикует и разоблачает миссионерскую деятельность церкви, ее грубое вмешательство в жизнь людей, их сознание и мировоззрение. Истинная вера – это вера по убеждению, а не под

влиянием внешней силы. Она должна объединять, а не разъединять людей. Это возможно лишь тогда, когда каждый верующий следует принципу веротерпимости. Льву Николаевичу в равной степени неприятны как религиозный фанатизм, так и злобное, агрессивное отношение к атеизму.

Неуклонно следуя вере, мыслитель видит, и об этом открыто заявляет, противоречия и несуразницы в христианском учении, но пытается не акцентировать на них внимание – «я старался ... всеми силами души избегать всяких рассуждений, противоречий ...» [5, 155], «...я бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения» [5, 156]. Тем не менее, означенная ситуация глубоко тревожит Л.Толстого. Его пытливый ум восстает против того, что он, как личность, не в силах принять в христианском вероучении и деятельности церкви. Перечень таких положений довольно обширный. К ним относятся и отдельные базовые формулировки христианской религии. Выход из ситуации нашелся. Он был не лучшим, но все же выходом – «...я нашел в своей душе чувство, которое помогло мне перенести это. Это было чувство самоунижения и смирения» [5, 158]. Мыслитель очень остро переживает претензию каждой конкретной религии на истину в последней инстанции и непринятие всего, что лежит за ее пределами. Такая позиция ему неприемлема, ибо способствует не объединению, а разъединению людей, нередко содействует обострению отношений между ними. Лев Николаевич винит в этом не веру, а церковь, указывая на то, что сам способ разрешения ею многих жизненных вопросов и проблем не только не соответствует, но и противоречит самим основам веры. Соотнося собственную веру в Бога со своими знаниями и логикой жизни вообще, он приходит к важному и очень неприятному для себя выводу – многие положения веры «...нельзя понять иначе, как солгав перед самим собою» [5, 159].

Результатом душевных терзаний, сомнений и мировоззренческих поисков Л.Толстого стал его вывод о том, что не все в религии и самой вере как способе личностного восприятия ее положений имеет статус истины. Отдав предпочтение вере перед разумом, писатель так и не смог полностью

игнорировать выводы последнего. А они, даже при всей его приверженности к религии, указывают на явные противоречия в ней. Как следствие, Лев Николаевич отчетливо понимает, что в религиозном «...учении есть истина...; но несомненно и то, что в нем есть ложь...» [5, 163]. Разобраться в том, что есть первое, а что второе – дело нелегкое и под силу не каждому. И, тем не менее, мыслитель предпринимает активные усилия в данном направлении. Он изучает религиозную и богословскую литературу, священные тексты, относящиеся не только к христианству, но и к другим религиям, много общается со священнослужителями, монахами, обычными верующими. Когда незадолго до смерти «жандармы во Христе» отлучат его от церкви, Л.Толстой напишет, что перечитал все, что мог об учении церкви, «изучил и критически разобрал догматическое богословие». Правда, детальных выводов относительно изученного и прочитанного он так и не опубликовал. Общий вывод его известен: учение и деятельность церкви – это коварная и вредная ложь, суеверия и колдовство, скрывающие и искажающие подлинный смысл христианства.

Одной из отличительных особенностей веры Л.Толстого в Бога есть то, что для него важно, в первую очередь, признание самого факта существования данной силы. При этом вопрос о возможности познания ее не является для мыслителя актуальным. Важны не знания человека о Боге, а роль, которую он выполняет в жизни людей. Здесь место знания сущности феномена занимает его функция. Ему даже нравится, что Бог всегда был и остается тайной – «чувствовать Бога в себе можно и нетрудно. Познать же Бога, что Он такое – невозможно и не нужно», «чувствовать Бога может всякий, но познать Его не может никто. И потому не старайся познавать Его...» [6, 77]. Писатель хорошо понимает, что познав Бога, человек максимально приближает его к себе и низводит до уровня обычных, понятных, существующих рядом с ним в повседневной жизни феноменов. Тем самым эта сила теряет свое величие. Бесконечное становится конечным, необычное – обычным, могущественное – простым, рядовым. При такой логике событий религия теряет свое значение для

человека. Потому-то во все времена она мощно стоит на защите своей главной тайны – Бога, объявляя единственным способом приближения к нему не познание, а божественное откровение. Между Богом и человеком выстроена мощная церковная структура, возложившая сама на себя функцию проводника религиозных идей в массы и применяющая для этого множество непонятных простому человеку процедур. Вот что по этому поводу пишет Л.Толстой, цитируя Ш.Монтескье: «Духовенству необходимо удерживать народ в его невежестве; без этого Евангелие так просто, что всякий сказал бы духовным пастырям: «Мы все это и без вас хорошо знаем» [6, 271], «Христос открывает Свое учение прямо непосредственно каждому человеку, церкви же ставят мертвые формы вместо Бога и не только не открывают, но заслоняют от людей Бога» [6, 281]. Религия и церковь создают особый мир – сферу сакрального, практически не имеющей точек пересечения со сферой реальной жизни людей, которую по-иному называют сферой профанного. Они допускают существование лишь одного канала прямой, непосредственной связи верующего и Бога. Это молитва. Кстати, отношение Льва Николаевича к ней далеко не лучшее.

Оценивая место и роль религии в истории человечества, Л.Толстой рассматривает ее как мощный фактор общественного развития. Из всех форм духовной культуры человечества – философии, науки, искусства, религии – на высшую ступень он ставит именно религию. Ее ценность, по убеждению писателя, непреходяща. По его мнению, она является «указателем направления» социального прогресса. Понятно, что согласиться с категоричностью данного вывода не представляется возможным. Но у мыслителя свой, особый взгляд на эту форму духовно-практического освоения человеком мира. Он видит в ней исходную нравственную платформу бытия людей и общества. И очень огорчается от того, что этот, важнейший, по его убеждению, аспект религии остается как бы в стороне, отесняется на задний план религиозной догматикой и многоликой церковной атрибутикой. Заявляет, что «с первых же времен апостолы и первые христиане до такой степени не

понимают сущности учения Христа, что учат принимающих христианство прежде всего верить в воскресение Христа, в чудесное действие крещения, в сошествие Святого Духа и т.п., но ничего или очень мало говорят о нравственном учении Христа...» [6, 274]. В.Ленин, анализируя творчество писателя, обращает особое внимание на нравственный срез его религиозных поисков, на «стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению...» [2, 209-210].

Интересно что установка на корреляцию нравственных добродетелей с религией присутствует у Л.Толстого с юных лет. И хотя она не всегда носила осознанный характер, мыслитель говорит о ней постоянно. Он полностью разделяет и поддерживает мнение И.Канта о том, что мораль неизбежно ведет к религии. В послекризисный период видит в религии силу, способную указывать людям верный путь в жизни. Из христианского вероучения принимает те положения, которые близки его жизненным установкам – любовь к ближнему, помощь нуждающимся, сопереживание чужого горя, радость общения, труд во имя блага, творение добра. Вполне равнодушно относится к тому в христианстве, что не трогает струны его души. Резко критикует церковные обряды и таинства. Иными словами, христианское учение он разделяет не полностью, не во всем его объеме, а выборочно. Принятые на уровне собственного мировоззрения его идеи писатель называет религией правды и любви. Видит в ней прообраз новой религии, понятной и доступной людям. О целесообразности «создания» такой религии он задумывается довольно рано. Мысль об этом фиксирует в своем дневнике 5 марта 1855 года. Ему только 27 лет. Называет данную мысль «громадной» и чувствует в себе желание и силы посвятить всю собственную жизнь ее реализации. Новая религия будет лишена таинственности и, соответствуя учению Христа, окажется полезной людям в их практической жизни. Ее ориентация – не на загробную жизнь, а на достижение людьми счастья на земле. Крайне важно, что в этой «практической» религии будут отсутствовать суеверия, таинства и обряды. Большую роль в ее создании и распространении Лев Николаевич возлагает на разум как отдельных

индивидов, так и человеческих поколений. Данная религия, по мнению мыслителя, в состоянии объединить людей. Этот момент для него является крайне важным. В означенных мыслях и рассуждениях Л.Толстого религиозное и светское органически взаимосвязаны. Здесь религию он рассматривает как средство преодоления социальных противоречий. Она лишена ортодоксальности и отличается гуманизмом, что вполне соответствует толстовскому видению мира, где один человек должен быть другому поддержкой и опорой. Вера писателя в Бога лишена мистицизма. Она наполнена проблемами реальной земной жизни людей. Он за царство божье на земле, а не на небесах. Его созидатели – люди труда. Бог, по Л.Толстому, – это помощник в их самоотверженном труде, желании творить добро, надежда и опора в трудную минуту. Это сила не карающая, а помогающая, созидаящая. Ее не надо бояться, а нужно любить, точно так, как людей, находящихся рядом с тобой. Не случайно поздний Л.Толстой нередко термины «Бог», «любовь», «добро», «нравственность» использует как синонимы.

Многие исследователи религиозных поисков Л.Толстого отмечают, что в его взглядах на жизнь и смерть, радость и страдание, добро и зло много буддистских мотивов. К буддизму он относился с большим уважением и ставил его выше церковного христианства. В этой религии его привлекали относительно четкие формулировки базовых положений вероучения, идеи о поиске правды путем отказа от собственных страстей и желаний, о соотношении души и тела, о путях достижения нирваны и др. При всем этом душа и сердце Льва Николаевича принадлежат все же христианству в его евангелизированном виде. Из всего христианского вероучения именно Евангелию он рассматривает как концентрированное воплощение, ядро истинной православной веры.

При всей противоречивости мировоззренческих взглядов Л.Толстого, в том числе относительно веры, религии, церкви, важно помнить о постоянном желании и стремлении этого талантливого мыслителя сделать жизнь людей гуманнее, добрее, счастливее. Неуклонно следуя этой цели до своего

последнего вдоха, он сознательно шел на конфликт с государством и церковью, всеми, кто, по его мнению, был носителем несправедливости. Многократно заблуждаясь в своих мыслях и действиях, он всегда оставался гуманистом.

Литература

1. Квитко Д.Ю. Философия Толстого. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1928. – 302с.
2. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции //Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 17. – М.: Государственное Издательство политической литературы, 1961. – С. 206-213.
3. Николюкин А. Завещание мудреца //Толстой Л.Н. Путь жизни/ сост., комент. А.Н.Николюкина. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 3-23.
4. Толстой Л.Н. Записки сумасшедшего //Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. – Т. 12. Повести и рассказы 1885 – 1902 / Комент. В.Я.Линкова. – М.: Худож. лит., 1978. – С.43-53.
5. Толстой Л.Н. Исповедь //Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. – Т.16. Публицистические произведения: 1855-1886 /Комент. Л.Д. Опульской. – М.: Худож. лит., 1983. – С.106-165.
6. Толстой Л.Н. Путь жизни / сост., комент. А.Н.Николюкина. – М.: Высш. шк., 1993. – 527с.

